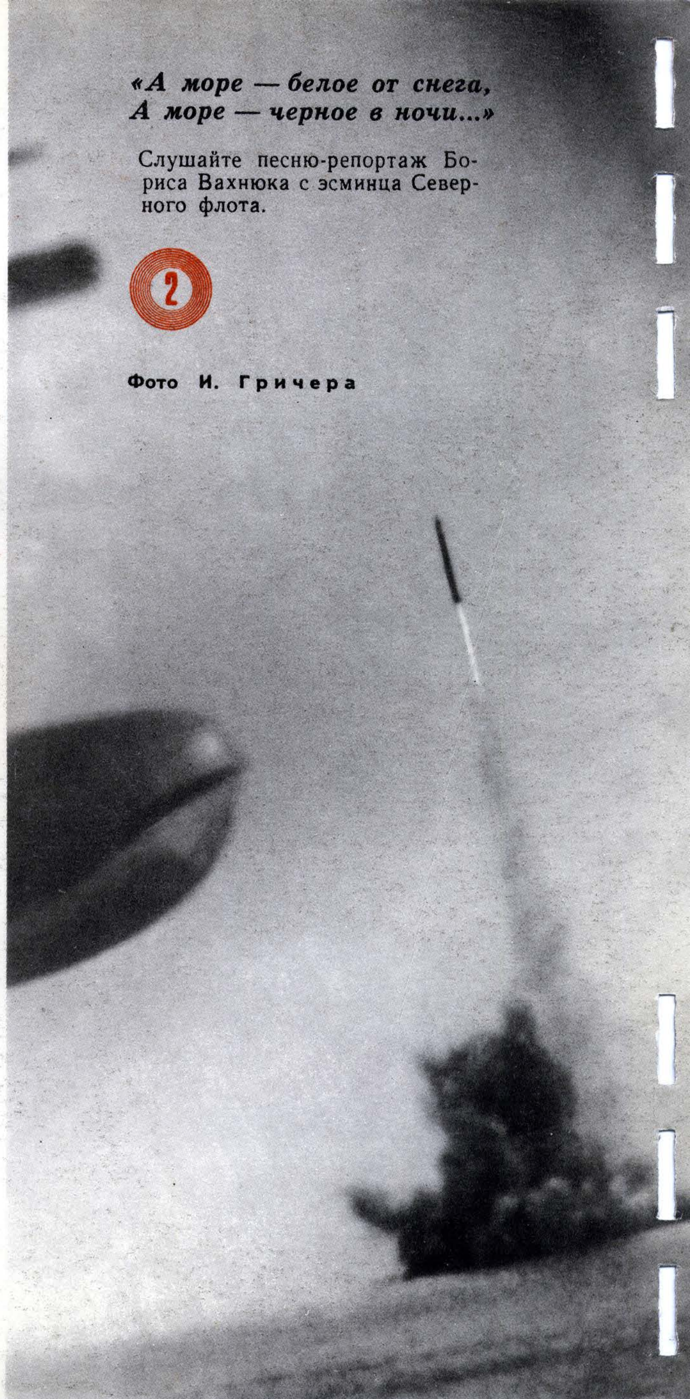

2
кругозор
68

«А море — белое от снега,
А море — черное в ночи...»

Слушайте песню-репортаж Бориса Вахнюка с эсминца Северного флота.

2

Фото И. Гричера

Григорий ГЛАЗОВ

не забывайте!

Пусть забываются подробности,
Как силуэт в чужом окне,
Но давний май в его огромности
Живет, не высказан, во мне.
И каждый май, вошедший следом
За тем, за главным для меня,
Весь облучен далеким светом
Того сверкающего дня,
Когда, промыв от пыли глотку
Глотком холодного вина,
Сняв пропотевшую пилотку,
Я понял: кончилась война!
Европа!
В реках отражались
Моих ровесников черты.
Они на память в касках снялись
Среди победной суеты.
Двадцатилетние ребята!
Над ними свесилась лоза.
Смотрело время виновато
В их развеселые глаза...
Лежала карточка, тускнея.
Шли годы.
Даль к себе звала.
Мы уходили вместе с нею
В иные, новые дела.
Мои седые одногодки,
Мы крепко связаны судьбой.
По вашей сдержанной походке
Определяю возраст свой.
Над Эльбой я под слоем пыли
Ваш давний след смогу
прочесть...
Не забывайте, где вы были!
Не забывайте, кто вы есть!

Альберт ШИЛИН

мужское право

Мужское право —
Сильным быть и смелым —
Я в батальоне нашем познавал.
Звенел рассвет по крышам
ошалелым,
Я за секунду лихо в строй
вставал.
Трубил трубач, как лось
у водопоя,
Я шел «в атаку»,
Падал на бегу.
А старшина кричал мне:
— Будь спокоен,
На свете нету слова «не могу»!
На гимнастерке пот белел
мукою.
На марш-бросках не оставляют
вех.
Мужское право —
Выйти сильным к бою —
Вошло и в кровь и в плоть мою
навек.

К 50-летию Советской Армии

НА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ

Первый заместитель Министра обороны СССР Маршал Советского Союза И. И. Якубовский отвечает на вопросы журнала «Кругозор»

— Товарищ маршал, что вы считаете наиболее ценным в характере сегодняшнего советского воина — как солдата, так и офицера?

— Отличительных черт в характере советского воина — солдата и офицера — много. Они, эти черты, выковывались в течение длительного времени — на полях сражений за Родину, за свободу, за революцию. Но, пожалуй, все-таки главное, что отличает советского воина,— это беспредельная преданность Отчизне, партии и народу.

Каждый, кому приходилось бывать в наших боевых частях, встречаться с солдатами и офицерами нашей армии, наверняка почувствовал, что глубокая внутренняя убежденность в правоте нашего великого дела, подлинный патриотизм придают необычайную силу моральному духу личного состава армии и флота, рождают у воинов храбрость, бесстрашие в борьбе с врагами, величайшее мужество, стойкость, каких не знала и не может знать ни одна армия буржуазного государства. Эти качества советского воина проявляются не только в годы военных испытаний, но и в мирное время, в будничной жизни и боевой учебе: во время дежурства, тактических занятий, полетов и морских походов — во всем напряженном повседневном воинском труде.

— А какие, на ваш взгляд, отличительные черты присущи воинам армий стран — участниц Варшавского договора и что способствует их воспитанию?

— Дружба и сотрудничество между народами и армиями стран — участниц Варшавского договора имеют глубокие исторические и классовые корни. Наша боевая дружба скреплена совместно пролитой кровью в борьбе против гнета и эксплуатации, прошла историческую проверку в огне социалистической революции, закалилась и окрепла в победоносных битвах гражданской и Великой Отечественной войн. Эта дружба крепнет из года в год благодаря заботам нашей партии, марксистско-ленинских партий социалистических стран. Совместные военные учения и маневры, традиционные обмены военными делегациями, взаимное изучение и распространение передового опыта обучения и воспитания войск воспитывают у воинов дружественных армий замечательные качества патриотов и интернационалистов. Укрепление боевого содружества ведется под лозунгом: «Братья по классу — братья по оружию». И если империалисты посмеют посягнуть на наши завоевания, советские воины и воины братских армий в едином строю, общими усилиями разгромят агрессора, обеспечат победу сил мира, демократии и социализма.

— Не могли бы вы, Иван Игнатьевич, рассказать о том, как принимали военную присягу тридцать лет назад?

— Каждый из нас, кто сейчас служит в Вооруженных Силах или кому пришлось раньше быть солдатом или офицером Советской Армии, принимал присягу.

Я также принимал присягу. В торжественной обстановке, под боевым знаменем части, в которой я тогда начинал службу, перед лицом своих товарищей я произнес священные слова: «Я, сын трудового народа...» Слова клятвы на верность Родине.

Я очень хорошо помню эту минуту и волнение, которое, наверное, переживает каждый человек в том возрасте. И так сложилась моя жизнь, что слова клятвы определили весь смысл моей последующей деятельности в Вооруженных Силах, все мои практические дела, направленные на выполнение воинского долга.

Для нас это были тревожные дни. Разгоралась гражданская война. Против молодой Советской республики выступили внутренняя контрреволюция и иностранные интервенты... Незадолго до отъезда на фронт в полку стало известно, что мы должны будем принять социалистическую клятву...

До апреля 1918 года не существовало единого текста присяги, по-разному в разных частях и принималась она: в одних полках бойцы подписывались под текстом клятвы, в других — повторяли слова в торжественном строю, в третьих — на митингах в присутствии народа.

22 апреля 1918 года впервые был принят декрет о формуле торжественного обещания, а затем появилась «Служебная книжка красноармейца», утвержденная В. И. Лениным и Я. М. Свердловым.

«Слушай, товарищ! Изучи присягу перед тем, как подписать. На что ты призван? Кто тебя призвал? Тебя призвал трудящийся народ, и дело, для которого ты призван, — твое собственное дело... Красная Армия будет сражаться только с теми, кто дерзнет противиться воле рабочего народа, кто захочет отнять у него землю и все достояние и накинуть на шею рабскую петлю. Она будет защищать тебя и твоих братьев. Ей служить — служить всему рабочему народу. Ей изменить — предать народ. Ее враги — твои враги. Ее победа — твоя победа, а ее поражение — твоя погибель. Она — ты сам. Служи же ей, как самому себе».

Я — сын трудового народа

...С нетерпением ждали мы часа выхода из казарм. Едва только прозвучала команда строиться, как все высыпали из казарм и быстро встали в ряды. Под звуки духового оркестра, чеканя шаг по булыжным улицам, полк шел к заводу Михельсона. Через полчаса мы стояли на своем месте в просторном гранатном цехе... Ждали приезда Ленина. Его автомобиль появился, когда не было еще четырех. Владимир Ильич вышел из машины и направился к гранатному цеху.

Бойцы замерли в торжественном строю. По примеру своих командиров мы сняли головные уборы... Бойцы революции готовы к присяге. Владимир Ильич сошел с трибуны и стал в первую шеренгу красноармейцев. Раздаются слова:

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии».

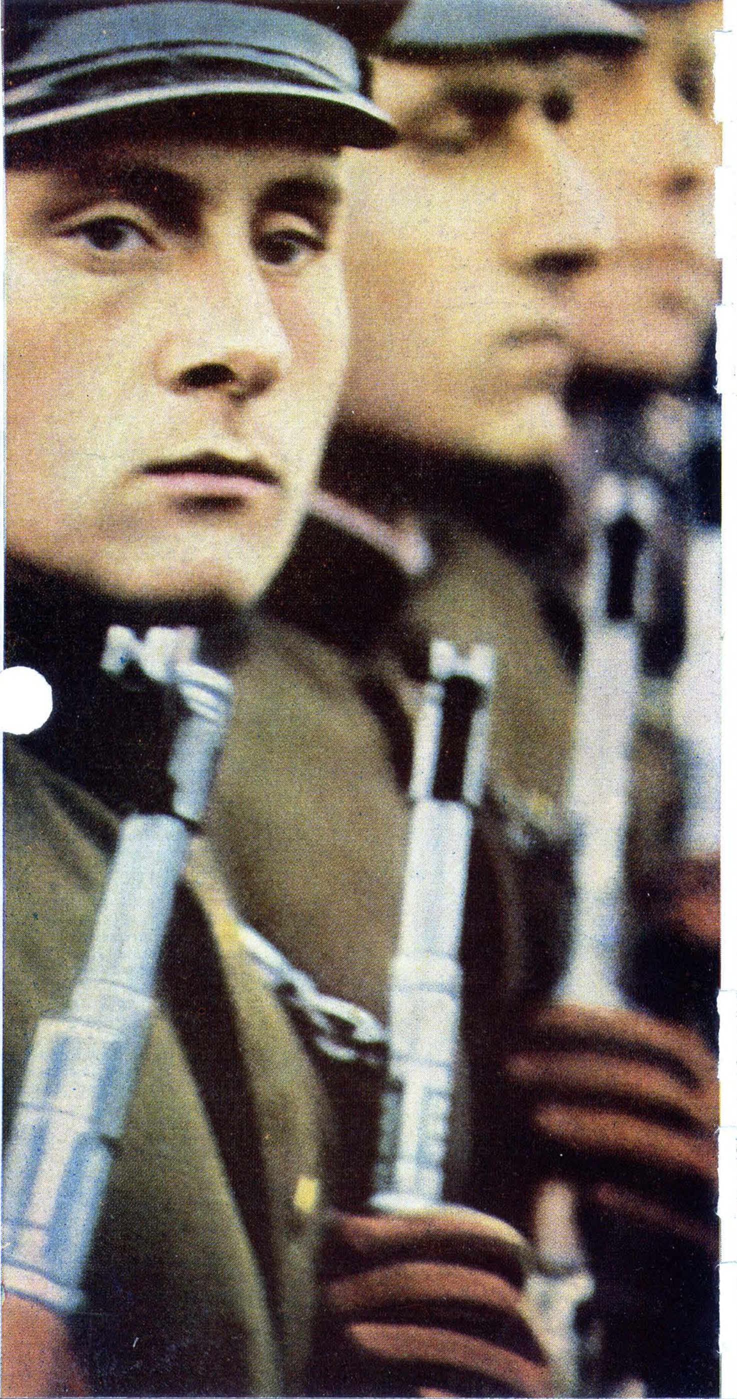
Слова клятвы повторяют тысячи голосов...

Нам посчастливилось стоять в одном строю с Лениным.

Георгий Тимофеевич ПРОКОФЬЕВ,
член КПСС с 1919 года.

г. Волгоград.

Фото Л. Лазарева.

I

ФРОНТОВЫЕ ЗАМЕТКИ

В. ГРОССМАН

Из блокнотов военного корреспондента «Красной звезды»

1941 год. 5 августа выезжаем на Центральный фронт в Гомель: политрук Трояновский, фотокор Кнорринг и я, грешный. Трояновский со смуглым худым лицом, большим носом, у него медаль «За боевые заслуги», человек бывалый, но не очень старых лет. Сперва он представился мне рубакой, рожденным в боях, но затем выяснилось, что он начал свою журналистскую деятельность деткором «Пионерской правды», причем было это не так уж давно. Кнорринг, сказали мне,— хороший фотокор, рослый человек, моложе меня на год.

Я старше их годами, но совершенное дитя по сравнению с ними в делах войны, им доставляет вполне законное удовольствие объяснять мне предстоящие страхи. Мне это вполне понятное чувство: я сам люблю рассказывать людям о делах, в которых съел собаку, а собеседник в полной невинности ничего не смыслит.

Еду с Кноррингом на аэродром под Гомелем. Командир полка — подполковник Немцевич. День боевой работы. Вижу Немцевича, сурового, собранного, резкого и делового. Подходит, вернее, подбегает к нам человек с красным, безумным, пьяным от радостного возбуждения лицом и кричит: «Товарищ командир полка, разрешите доложить, во славу моей Советской Родины только что сбил своего первого «юнкерса-88»!» В один миг я уловил выражение его глаз, и точно на миг для меня, человека земли, стало понятным то, что происходит там, в небе, во время воздушного боя.

Знойное синее утро. Тихий воздух. Деревня, полная мира, славная деревенская глушь: играют дети, старик и бабы сидят в садике. Едва мы проехали — три «юнкерса». Взрывы бомб. Красное пламя с белым и черным дымом. Вечером мы проезжали обратно. Люди с безумными глазами, изнуренные бабы тащат вещи, выросшие трубы стоят среди развалин...

Нас обстреляли около кладбища. Спрятались под деревом.

Горящий Гомель. Выбежал человек, кричит: «Пожар!» Все сидят на мостовой и молча смотрят, он оглянулся и тоже сел: горел весь город.

Вызвал комиссар штаба и сказал: «В четыре ноль-ноль, ни минутой позже, выезжайте по этому маршруту». Никаких объяснений он давать нам не стал, но и без объяснений все было ясно, особенно после того, как мы разглядели маршрут. Наш штаб находился в «мешке»: справа немцы шли на Сухиничи, слева — на Волхов из Орла, а мы сидели под Брянском в лесу. Предстояло состязание на скорость: мы ли раньше выскочим из «мешка», или немцы успеют раньше «завязать» его.

Состязание на скорость продолжается: мы или немцы. Такой грязи никто не видел, верно — дождь, снег, крупа, жидкое, бездонное болото, черное тесто, замешенное тысячами сапог, колес, гусениц. И опять все довольны: немец увязнет в нашей адской осени — и в небе и на земле.

Юго-Западный фронт. Зима 41/42 г. В Лисках расстались с летучкой. Снова вспомнил, как по дороге на фронт зашел голодный к коменданту и передо мной поставили полную тарелку роскошного украинского домашнего борща. В тот момент, когда я подносил первую ложку ко рту, ворвался Буковский и крикнул: «Скорей, бегом, эшелон тронулся!» Я кинулся за ним. Этот борщ неделями преследовал меня.

2-й Гвардейский казачий кавалерийский корпус уходит в бой. Грузят штабное имущество в грузовик, сматывают связь. Девушка посреди улицы обняла казака, целует его и плачет.

Терпение на фронте, безропотность к тяжестям невообразимым — это терпение сильных людей, терпение войска огромного, в нем и величие души народа.

Сталинград — 1942 год. Выехали из Москвы 23 августа. Огромность пространства: едем четыре дня. Уже другое время — на час вперед, другая степь, другие птицы: коршуны, совы, ястребки. Вот уже и дыни и арбузы появились. А горе — одно!

Красноармеец Иван Семенович Канаев:

«1905 года рождения, августа 22, из села Дубровичи, Рязанской области, работал дорожным мастером с 1930 года. Семья восемь человек: отец, мать, жена и четверо детей. Призвали 3 июля 1941 года, повестку принесли, когда дрова рубил. Песни пели, вина выпили, море по колено!.. Попал в первый мото-стрелковый батальон. Вот когда приближались к фронту, было действительно страшно. А пошел в бой, и стало как-то веселей. А теперь, как на работу, в бой хожу. Как на фабрику ходят. Я двадцать два раза в бой ходил. Под Богодуховом меня ранило, легко. Но я не ушел с передовой. Чего в госпитале путаться? Ну, поподробней? Значит, пришел в мотострелковый батальон, он еще в бою не участвовал. Приехали на фронт, заняли оборону, утром взошло солнце, а он с левого фланга стал бить из пулемета, зажег нам баки с бензином. А к вечеру мы ворвались в его окопы. Вперед было страшно, а сейчас я пуль не боюсь, один миномет в тоску кидает. Ходил я и в штыковую, только он ее не принял. Крикнули «ура», он вскочил и бежать.

Танки, ну как же, видел! Случалось, с немцами прямо, лицом к лицу. Нас человек пятнадцать, а их целый взвод. «Стой!» — кричу. Он по мне очередь, в руку попал. Я по нем приложился — все равно моя веселей,— он упал. После мне хозяйка из хаты крынку молока вынесла, я попил. Вот перевязаться нечем было, я на раненого мальчишку бинт свой затратил, деревенский мальчишка, плечо ему перевязал... Иду теперь в бой спокойно, есть, конечно, чувствие, но привык. Назад от миномета никогда не ходи. Побежишь назад, конец тебе! Если из пулемета он бьет, тоже в цель не очень попадает. Заляжешь, перебежишь, замолк он — опять беги вперед! А как уж назад пошел — догонит!

Дома воротного скрипа боялся, а здесь ничего не боюсь. В Петрищеве я пулеметчика сшиб на крыше. Подход мы сделали, залегли. Мороз сильный, а лежали долго, я здорово замерз. Как вскочил на ноги — ай, ай, больно! Ну, совсем замерз. Раз один поднялся, все за мной. А я из винтовки приложился по пулеметчику, он сразу замолк. Я им человек пятнадцать извел. Я, что ли, пошел на него воевать? Мы воюем на своей земле. Наслушаешься — мирное население про него такое рассказывает, такая у него подлость — разве их можно миловать!.. Мое заключение такое, что мы должны победить».

1945 год. Я видел последние выстрелы в Берлине. Группы СС, засевшие в доме на берегу Шпрее, неподалеку от рейхстага, отказались сдаться. Огромные пушки били кинжальным, желтым огнем по зданию, и все утонуло в каменной пыли и черном дыму.

Зоологический сад — тут шла битва. Разрушенные клетки. Трупы мартышек, тропических птиц, медведей. Остров гамадрилов, малютки, подцепившиеся к материнским животам крошечными ручками. Разговор со стариком, он ходит за обезьянами 37 лет. В клетке труп убитой гориллы.

Я. Она была злой?

Он. Нет, она только сильно рычала.

Гравюры Ю. Космынина.

Посетил художественную часть Пермского музея. Совершенно потрясающее впечатление производит богатейшая коллекция деревянных скульптур. Это ново, необычайно интересно с художественно- и культурно-исторической точки зрения и в то же время поражает своей художественной силой как в смысле своеобразного мастерства техники, так и по силе психологической выразительности.

Нар. ком. по просв. РСФСР
Ан. Луначарский

11.I.1928.

ВЫСЕЧЕННЫЕ ИЗ ДЕРЕВА

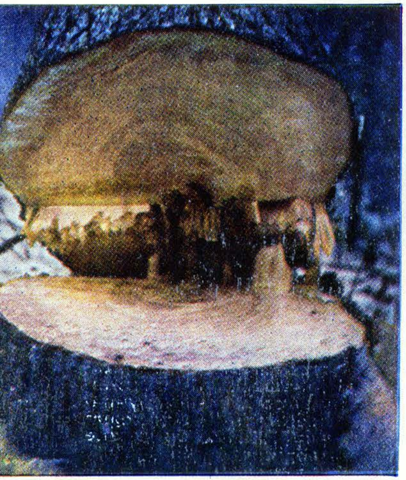

Фото
Л. Лазарева.

Честь этого открытия принадлежит пермскому учителю, ныне покойному, Николаю Николаевичу Серебренникову. Он оставил после себя большую коллекцию деревянных скульптур, вывезенных им из пермских лесов. Это было делом всей его жизни, делом его страсти и художнической преданности искусству.

Редакция имеет единственную сохранившуюся магнитную запись рассказа Николая Николаевича Серебренникова (вы его услышите на седьмой звуковой странице). Мы попросили прокомментировать запись академика Михаила Владимировича Алпатова.

«Я познакомился с выступлением Н. Н. Серебренникова о «пермских богах» и убедился в том, что в нем затронуты все вопросы, которые могут заинтересовать ваших читателей. Мне нечего к этому выступлению прибавить. Если вы все же хотите иметь мое мнение, то оно — в моей книге «Этюды по русскому искусству».

●

...В Пермском музее в настоящее время сосредоточено огромное количество статуй страдающего Христа, свезенных сюда из окрестных городов и деревень. Наперекор строгому запрету православной церкви здесь возник обычай изображать в деревянных статуях страдающего Спасителя. Статуи эти производят в своей совокупности сильное, порой жуткое впечатление. Многие из них в рост живого человека, обычно они раскрашены, иногда посажены в «темницу», иногда одеты в настоящие одежды, с настоящими кандалами на ногах и похожи на восковые куклы из паноптикума. Но этим впечатлением далеко не определяются их художественные особенности.

В пермскую скульптуру перешло многое из скульптуры барокко, в ней больше «живства», даже обмана зрения. Но подкупает в ней нравственная чистота мастеров, их готовность безотчетно отдаваться творчеству, крестьянское простодушие и уверенность, что все представленное — это живое. Эти статуи никогда не ставятся на постамент. Между ними и реальным миром нет преграды, они прямо входят в него, живут в нем. Представлено обычно не столько страдание, сколько тоска человека, томительное ожидание. Крупные мужицкие руки, поставленные носками вместе, большие ступни ног, равнодушный взгляд, устремленный в одну точку. Современный зритель с изумлением узнает в этих изображениях Христа русского крестьянина или зырянина со всеми этническими особенностями его облика, узкими щелками глаз и выступающими скулами. «Да ведь это вовсе не Христос,— хочется сказать,— а настоящий мужик!»

Но это не совсем верно.

В этих статуях простой мужик возведен в степень общечеловеческого, обожествленного, многострадального существа. Он страдает за всех людей.

М. В. АЛПАТОВ

Из собрания Пермской художественной галереи. На наших страницах произведения безвестных мастеров города Соликамска, сел Язьвы, Усть-Боровского, деревни Зеленят, поселка Юго-Камска и других мест.

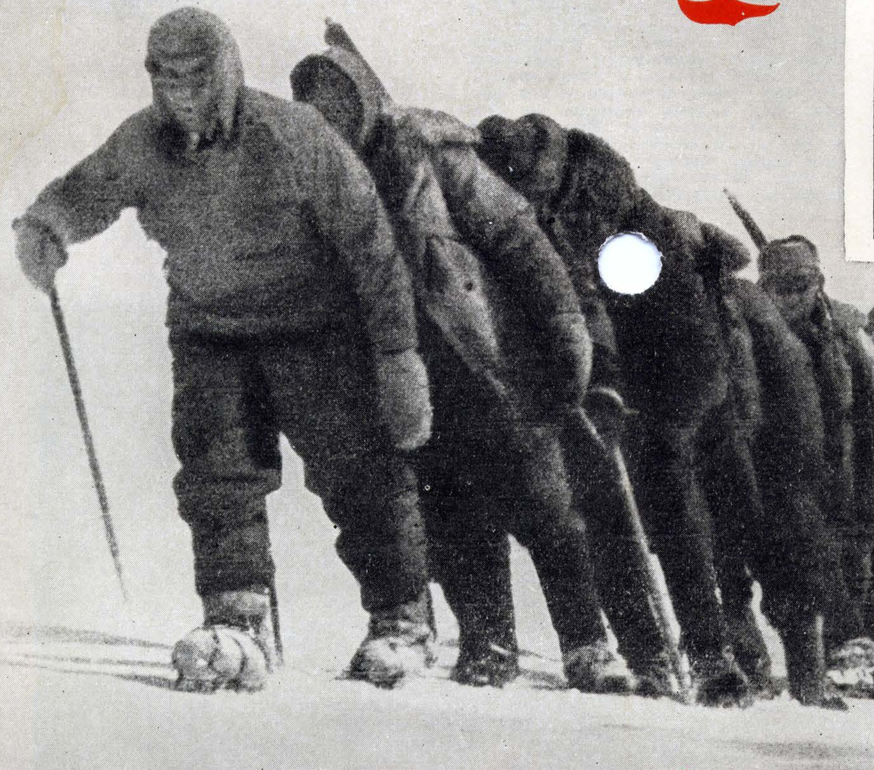
Александр ГУСЕВ,
профессор МГУ, заслуженный
мастер спорта.

3

Двадцать взошли на Эльбрус. С войны не вернулись трое. Сегодня семнадцать могут рассказать историю этого снимка — доктора наук, заслуженные мастера спорта, доцент, токарь, полковник в отставке, партийный работник. Автор фотографий — участник восхождения Александр Сидоренко.

солдатская книжка эльбруса

В августе 1942 года на высшей точке Европы — горе Эльбрус — егерь из дивизии «Эдельвейс» сложил из камней небольшую пира-

мидку, а в центре ее укрепил фашистские знамена. Сухощавый немец сфотографировался на фоне свастики. Подпись под фотографией: «Под ногами капитана фон Гротта — поверженная Европа».

Полгода рвали ветры фашистские флаги. А внизу полгода гремели бои.

Любовь Коротаева и Андрей Грязнов — лейтенанты нашей 242-й горнострелковой дивизии — 2 января 1943 года поднялись на крутые скалы вершины Донгуз-Орун, чтобы оттуда проследить пути отступления фашистских войск. Это восхождение принесло нам ценные разведданные и... начало будущей песни. Грязнов и Коротаева оставили на площадке гранату, где на место чеки была вложена записка: они надеялись вернуться сюда после войны...

Через несколько дней наши ребята собрались у подножия Эльбруса, чтобы взойти на вершину и сорвать фашистские знамена. Вечер перед восхождением коротали на веранде балкарского дома. На фоне луны четко сверкал гребень Донгуз-Оруна — место недавней разведки. И тогда Грязнов вдруг сказал: «Помнишь гранату и записку в ней, на скалистом гребне для грядущих дней?» Несколько фраз добавил Ника Персианинов. Так неожиданно появились первые строки «Баксанской».

17 февраля 1943 года мы поднялись на вершину Эльбруса. Вот имена моих товарищей, совершивших это «военное восхождение»: В. Д. Лубенец, Л. П. Кельс, Г. Хергиани, Г. К. Сулаквелидзе, Л. Г. Коротаева, Н. Г. Персианинов, А. Н. Грязнов, Г. В. Однoблюдов, Б. В. Грачев, В. П. Кухтин, А. В. Багров, Н. А. Петросов (кинооператор), А. Н. Немчинов, Н. П. Моренец, Б. Хергиани, Е. А. Белецкий, А. И. Сидоренко, Е. В. Смирнов, Н. А. Гусак. Мы сбросили фашистские флаги с вершины, поставили флаги красные. А впереди было много вершин, ждавших освобождения: Ростов и Одесса, Киев и Варшава, Вильнюс и Прага... Мы все воевали на разных фронтах, но, как выяснилось потом, часто пели одну песню, сложенную тогда же, в восхождении. Песня «Барбарисовый куст» — она стала памятью о товарищах, погибших в боях.

...В августе 1956 года московский студент Арий Симоник на гребне вершины Донгуз-Орун подобрал старую гранату. Он положил ее в рюкзак, сам еще не зная, что подобрал песню.

Александр ПРОКОФЬЕВ

«ЖИВУ, РОССИЕЙ ОКРУЖЕННЫЙ...»

ровесникам

Я пришел на Ладогу
за песнями.
Те же волны, те же валуны.
Ну, а где друзья, мои
ровесники,
В море иль в земле погребены?

Многих море взяло, море, море,
Взял и схоронил девятый вал.
Говорят, что тот не видел горя,
Кто у моря век не проживал!

А земля?
Была земле недоля:
Орудийный гром держал обряд,
Многие упали в чистом поле,
Братские могилы подтвердят.

Ветры возле них вели заплачки,
Все вошло в легенду или в сказ.
Голосили, плакали рыбачки,
Не было крупнее слез у нас.

Эту песню я сложил у моря,
У зелено-синего огня,
Просто сердце охватило горе,
А его немало у меня!

●

Как непохожи наши судьбы,
И все не так, и все не то,
Но если б нас хулили судьи,
То я спросил бы:
Судьи кто?

Но только вот какое дело:
В громаде лет, в горячке дней
Все ж дрянь не сильно
поредела,
А поредеть пора бы ей!

Как проведешь ты нынче лето,
Коснешься нового огня?
На сто вопросов нет ответа,
Хоть адрес прежний у меня.

●

Иду. Ветла качается,
И жалко мне ее.
Иду. Любовь кончается,
Но как же без нее?

А без нее ни завязи,
Ни вешнего цветка,
А без нее от зависти
Дорога нелегка.

И лишь тревога встретится
В крутом пути моем...
Иду, а сердце светится
Немеркнущим огнем.

●

Говорю тебе спасибо
За одну твою черту —
Ты красивее красивых,
Береги же красоту!

Береги ее, как можно,
Взабыль, так, чтоб дорожить,
Береги ее тревожно —
Без тревоги не прожить!

Ты не дерево, не камень,
Ты не гнешься в три дуги,
Береги ее веками,
Береги,
Побереги!

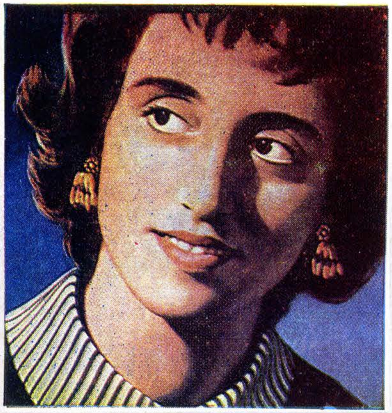
Знал ты горькие утраты,
Ты невзгоды сбросил с плеч,
И к лицу тебе, солдату,
Богатырский шлем и меч.

А земля тебе открыла
Ветер песни, гром баллад,
Краснозвездный, краснокрылый,
Мой товарищ Ленинград!

فيروز

في ساعة الليل

ФЕЙРУЗ В ЧАС КОЛЫБЕЛЬНЫЙ

Бейрут, лежащий у подножия зеленых гор, у теплого моря, причудливо соединяет узкие, древние улочки и новостройки на бывших пустырях, старые кофейни, возле которых тянут кальян старики, и туристские гостиницы на курортной набережной. Мои воспоминания о городе — наплывающие цветные пятна, зеленые — от цвета близких гор, синие — от блеска моря под обрывами, белые — от зданий, черные — от одежды арабских женщин,— мои воспоминания постоянно сопровождает бесконечная, богатая интонациями мелодия, как бы вобравшая в себя все виденное мною. Это мелодия песен Фейруз. Песен непонятных, поскольку я не знаю арабского языка, и странно близких, потому что в них угадывается страстное и глубокое отношение к жизни.

Можно представить, как я был обрадован, когда арабские друзья спросили: «Хотите поехать к нашей Фейруз?»

Вечером мы оказались у дома на окраинных холмах Бейрута. Не думаю, что мы попали вовремя: Фейруз укладывала спать ребенка. Мы сидели, разговаривали с ее мужем, известным композитором Рахбани, и я никак не мог согласиться с тем, что худенькая, совсем просто одетая женщина, время от времени проходившая из одной двери в другую, и есть знаменитая Фейруз, «арабский соловей». Очевидно, она разрывалась между кухней, где готовила угощение неожиданным гостям, и комнатой ребенка, который никак не засыпал. И лишь потом, когда были приготовлены закуски и угомонился малыш, появилась Фейруз.

Про нее просто не скажешь, что она элегантна, красива, эффектна,— те вежливые слова, которые принято почти бездумно говорить о всякой актрисе. У нее удивительные глаза. Видя их, понимаешь, что обаяние Фейруз не только в великолепном голосе, но и в истинной одухотворенности.

В арабской культуре в последние годы особенно остро почувствовался разрыв между условными, застывшими формами искусства, предназначенного для избранных, и новыми потребностями времени и народа.

Вот Фейруз, эта скромная, тихая, немногословная женщина, и создает с энтузиазмом и настойчивостью современную арабскую песню. Поэтому, наверное, с таким интересом расспрашивала она о работах Кара Караева и Хачатуряна, чью музыку она хорошо знает, в мелодиях которых видит тот же процесс сближения музыки народной и профессиональной.

В угловой, «музыкальной», комнате мы участвовали в своеобразном концерте-беседе. Слушали магнитофонные записи песен, узнавали, что ищет Фейруз в искусстве. Творящий в искусстве человек не может быть в стороне от того, что волнует его народ, и поэтому не удивительно, что рядом с песнями о любви, традиционными для арабской лирики, вдруг зазвучала трагическая песня «Древний Иерусалим», рожденная сегодняшней болью арабов.

И все яснее понимал я не только красоту, но и смысл того, о чем поет Фейруз.

А. БОЧАРОВ

Бейрут — Москва

трезвучие

Композитор Раймонд Паулс — автор инструментальных и вокальных произведений, музыки для кинофильмов, спектаклей. Пианист Паулс — блестящий импровизатор. И, наконец, Паулс — художественный руководитель и дирижер Рижского эстрадного оркестра.

Паулс. Я прежде всего пианист. В 1958 году окончил Латвийскую консерваторию по классу рояля. Мне прочили карьеру «серьезного» пианиста, а я увлекся джазом. Хотя всегда с увлечением играл Рахманинова, Дебюсси. И сейчас играю, когда готовлюсь к концерту. Ведь то, что мы называем серьезной музыкой, — основа всех жанров музыкального творчества. Недаром же говорят, что Бах «обобрал» всех композиторов на пятьсот лет вперед. Я уверен, что люди, которые увлекаются только джазом, пренебрегая симфонической, камерной музыкой, обкрадывают себя. Настоящий джаз — тоже серьезная музыка.

РЭО — Рижский эстрадный оркестр. Паулс стал его руководителем три года назад.

Паулс. До этого я играл в эстрадном секстете радио. Потом создал свой ансамбль. В нем и овладел сложным искусством импровизации. Искусством, выражающим внутреннее состояние исполнителя. И теперь в РЭО я не только дирижирую, но часто сажусь за рояль, импровизирую... С оркестром мы объездили всю страну до Дальнего Востока, выступали в Венгрии.

Недавно Раймонд Паулс написал пять песен на слова поэта Альфреда Круклиса и джазовую сюиту «Черные краски», в которой использовал негритянские ритмы.

Паулс. Только ритмы. Несмотря на своеобразный колорит, я хотел, чтобы слушатели почувствовали: это писал латышский композитор. Вся музыка, в том числе джазовая, создается на народных основах. Но народную музыку нельзя беззастенчиво эксплуатировать, нарочито подражать ей, безудержно цитировать. Латышские дайны или таджикские газелы — первоисточники современного поэтического творчества, но это не значит, что поэты должны писать стихи в стиле этих фольклорных произведений. Симфонии Яниса Иванова стали популярными, потому что композитор придал им национальный характер, не подражая при этом народным мелодиям. Все это относится и к джазовой музыке. Народные интонации обретают здесь современный ритм и звучание...

Г. МЕРСОН

г. Рига.

Э. Мане. Цыганка с сигаретой.

Я — РЕПОРТЕР «КРУГОЗОРА»

Новая рубрика нашего журнала. Писатели, художники, режиссеры, актеры, то есть люди, у которых обычно берут интервью, на шесть с половиной минут станут по другую сторону барьера. В этом номере мы вручили редакционный магнитофон писателю Льву Гинзбургу.

Я работаю над новой книгой, замысел которой возник у меня еще в недрах предыдущей моей книги, «Бездна», когда я наткнулся на документы об уничтожении нацистами цыган. На долю этого народа выпала печальная участь раньше дру-

ДАЛЕКИХ ГИМАЛАЕВ ДЕТИ

гих подвергнуться пыткам, издевательствам и жестоким преследованиям со стороны гитлеровских расистов. Еще не были построены печи Майданека и Освенцима, а цыган в Германии (начиная с 1936 года) уже вылавливали, подвергали стерилизации, загоняли в лагеря и убивали как «расово неполноценных».

Впрочем, за свою историю цыгане испытали немало всевозможных гонений. И все же этот небольшой народ выстоял, сохранился, проявив изумительную жизнеспособность. Словом, здесь есть над чем поразмыслить...

И вот был вечер в московском Доме литераторов, сцена, декорированная цыганскими платками, концерт артистов театра «Ромэн». Пели старинные романсы, таборные песни, и весь этот концерт был как бы воспоминанием о чем-то далеком, но не ушедшем из жизни, а незримо присутствующем в ней.

В тот вечер меня окончательно захватила идея написать книгу о цыганах, нечто вроде романа, чтобы в него вошли и история цыган и отдельные судьбы, прошлое и настоящее.

Я был почти год в работе, когда «Кругозор» предложил мне стать его репортером. И я принес в журнал три материала.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 15 мая 1875 года. Писатель Болеслав Маркевич почти дословно записал рассказ старой цыганки Татьяны Демьяновны (Тани), знавшей некогда Пушкина.

ИЗ РАССКАЗА ЦЫГАНКИ ТАНИ О ПУШКИНЕ.

«...Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались... Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало — трое знакомых, а с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «Поваренок,— кричит — поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!» «Гляди, — значит, — гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он приставать: «Что ты сказала, что ты сказала?» «Ничего,— говорю,— сказала, что вы надо мной смеетесь, поваренком называете». А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек. Романсов мы тогда мало пели, все больше русские песни, народные... Однако, когда я уже петь начала, были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, с далека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки — скок — и ко мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть — не поваренок!..»

И стал он с тех пор часто к нам ездить, и как ему вздумается, вечером, а то утром приедет. Петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится... А это утром было, на масленице, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. «Хорошо, — говорит,— тут, тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «Тут, — говорю, — поблизости харчевня одна есть». Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, — говорит, — грязь». «Чисто, будьте благонадежны, — говорю, — сама не стала бы есть». «Ну, хорошо, посылай, — вынул он две красненькие,— да вели, кстати, бутылку шампанского купить».

(Разговор этот происходил в 1875 году, через 45 лет после того посещения. А Таня все помнила и помнила, как «тут вскоре холера сделалась, не дай бог что за время было, вспомнить страшно».)

«...К зиме все прошло. Опять стали мы петь, и опять Пушкин в Москву приехал, — только реже стал езжать к нам в хор. Тут я узнала, что он жениться собирается на красавице, на Гончаровой. Ну и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь!

Только раз вечерком — аккурат два дня до его свадьбы осталось — зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе!»— поцеловал меня в щеку и уселся на софу. «Спой мне, — говорит, — Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» «Как не слыхать, — говорю, — дай вам бог, Александр Сергеевич!» «Ну, спой мне, спой!» «Давай, — говорю, — Оля, гитару, споем барину!»... Она принесла гитару, стала я подбирать да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору, потому что у меня свой предмет был—женатый был он человек, и жена увезла его от меня... и очень тосковала я оттого. И, думаючи об этом, запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

**Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергеевича...**

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, глаз от струн не подыму. Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин... «Ах, — говорит, — эта песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И долго он после этого оставался, уехал, ни с кем не простился...»

Знаки, которые вы видите на странице,— тайные цыганские знаки, которые в старину один табор оставлял другому в условном месте, обычно на стенах домов.

Для посвященных это означало (смотрите сверху вниз): здесь не подают; в этом доме живут щедрые люди; здесь можно гадать на картах; хозяйка дома ждет ребенка; хозяйка недавно родила; недавно умерла старуха; недавно умер старик; здесь ссорятся из-за наследства; хозяин любит женщин; готовятся к свадьбе.

И, наконец, на четвертой звуковой странице вы услышите две цыганские песни, которые я привез из Югославии. Их исполняет певица Оливера Вучо в фильме режиссера Александра Петровича «Я видел счастливых цыган».

ПАРОЛЬ МАКИ

А. ГАЛЬПЕРИН, специальный корреспондент «Кругозора».

Слушайте пятую звуковую страницу

Главные военные песни пишутся быстро. Когда на родной город ложится отсвет рвущегося снаряда, судьба сама стучится в дверь поэта или композитора; чистый лист не кажется ему прямоугольной бездной, и он уже не утешает себя старым «я пишу долго, но надолго». Сочиненные, казалось бы, второпях, строфы оказываются достаточно весомыми, чтобы осесть в народной памяти, стать буквой «А» в песенном алфавите страны.

Их, этих песен, мало. Обычно одна-две, не больше. У нас — «Священная война»... Во Франции — «Партизанская песнь».

...На титульном листе песни три имени: Морис Дрюон и Жозеф Кессель (слова), Анна Марли (музыка). В Париже я узнал, что Кессель уехал на две недели в Индию, Марли переселилась в США, и дома можно застать только Дрюона.

Автор тринадцати романов (в их числе «Проклятые короли» и «Сильные мира сего»), четырех пьес, многих новелл и одной песни, новоизбранный академик встретил меня у дверей своей квартиры на улице Гренелль, или, как в шутку сказал сам писатель, знаток и историк Парижа, «на равнине Гренелль».

После короткой обоюдной разведки словом (очень доброжелательной) был задан вопрос, относящийся к цели радиоинтервью.

Д р ю о н. «Партизанская песнь» — это старая история, и она уже принадлежит истории...

Он заговорил. Медленно. Сочно. Подыскивая слова, которые, казалось, попадали в отведенные им заранее гнезда, щелкнув при этом невидимой пружиной...

Д р ю о н. Почему она была написана? Причин несколько. В 1943 году, когда Сопротивление разрослось, возникла потребность в песне, своего рода гимне, который бы выразил волю народа к борьбе. Народ находит в песне себя, песня находит его. Музыка, ритм, поэзия могут объединить людей, дать выход чувствам. Кроме того, в Англии для Сопротивления работал передатчик. Ему нужны были позывные, чтобы пробиться через занавес враждебного эфира.

— Как была сочинена «Партизанская песнь»?

Д р ю о н. После работы в подполье я пересек границу оккупированной зоны. Это было 12 ноября 1942 года — на другой день после того, как Гитлер решил эту границу стереть. Сел в поезд Бордо — Марсель, надеясь кружным путем перебраться за Ла-Манш.

— Вы описали это?

Д р ю о н. Да, в заметках «Поезд 12 ноября». Они были написаны вблизи Лондона, в том самом отеле, где была сочинена и «Партизанская песнь». Там я встретился со своим дядюшкой и коллегой по перу, а позже и по Французской Академии Жозефом Кесселем. Мы хорошо знали настроение умов во Франции, стонущей под пятой врага. Вот в тех заметках все это...

Рука с тяжелым перстнем протягивает мне оттиск:

«...На перроне бушует толпа. Из динамиков несется: «Ахтунг! Ахтунг!» — и указание для наступающих частей. Летчики «Люфтваффе», высоченные, с черными лентами на шее военные моряки рейха, офицеры с кортиками; и гестапо, гестапо, гестапо...

Вражеская армия с трудом течет посреди толпы. И Франция тоже течет. Вижу, как идет женщина, прятавшая в купе секретное донесение, горланящие молодые парни, ребенок, который кричал и еще долго будет кричать от голода, измученная мать, офицер, укрывавший в надежном месте полковое имущество, Пьер, ждущий, быть может, ареста сегодня вечером... И чем больше я смотрю, чем больше вижу лиц, тем сильнее крепнет во мне уверенность, что вопреки ревущему «Ахтунг!» победят в этой толпе те, у кого нет оружия...»

Рука с перстнем отодвигает странички, берет со стола дымящуюся трубку. Я слежу за уровнем записи...

Д р ю о н. Итак, двадцать пять лет назад, в одно из апрельских или майских воскресений, мы с Кесселем заперлись в салоне отеля «Эшдоун». Попробовали набросать слова. Но потом решили, что размер должен быть заранее определен музыкой. Тогда в Лондоне жила молодая певица Анна Марли, которая сочиняла песни, напоминавшие нам потерянную, далекую, оккупированную столицу — любимый Париж. Мы обратились к Анне, и она сочинила марш с навязчивым, глухим ритмом. Опять вернулись в салон, к старому пианино. Гордо погляды-

вая на Кесселя, который не умел играть, я одним пальцем пытался подобрать мелодию, запомнить ее. Затем принялись за текст. Он складывался в диалог: мы перекидывали мост от наших страданий и надежд к воображаемому другу, товарищу, который был «там», в маки. «Там...» Помните, у Кесселя, в «Армии призраков», почти стихотворение в прозе? Я прочту вам...

«...Никогда еще Франция не вела более благородной и прекрасной войны, чем та, когда из подземелий вырывается вольное слово, когда в тени ночных рощ и тайных бухт встречаются друзья и когда назло щипцам, раскаленным иглам и ломаемым костям французы борются и умирают свободными людьми...»

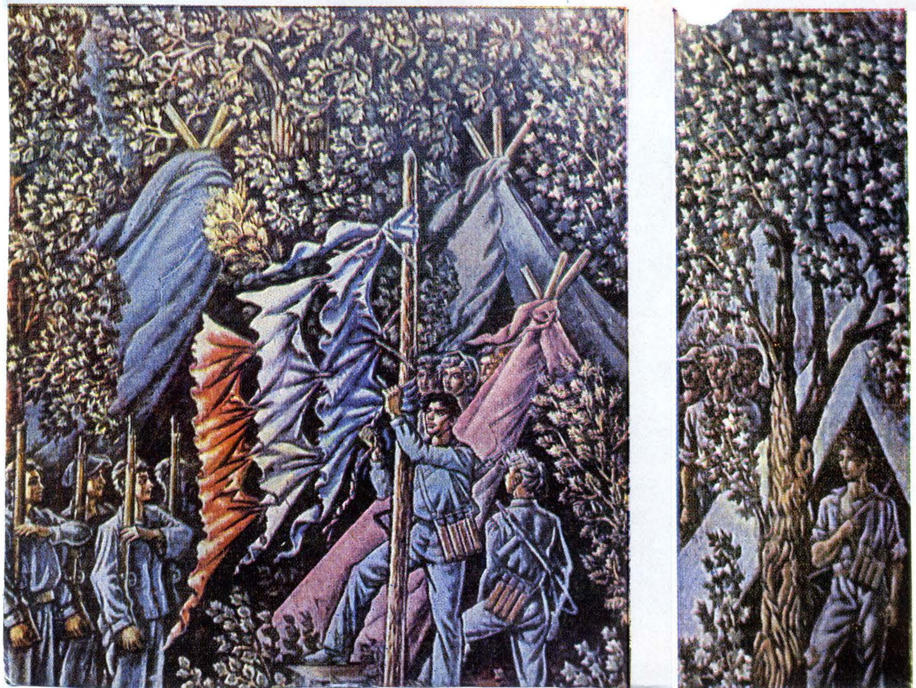
Им мы адресовали наши слова. «Прислушайся, друг, как кричит воронье над полями...

Ты слышишь, как стонет наш край, где лишь пепел и пламя».

Иногда мы произносили текст, может быть, громче, чем следует, и забывали, что работали в не совсем обычной гостинице. Здесь в паузе между боевыми заданиями отдыхали те самые бойцы «Свободной Франции». Они услышали нас, и с этого момента дверь в салон уже не закрывалась. «Ну как, готова ваша песня?» «Скоро, скоро»,— отвечали мы. К концу дня мы закончили работу. Приехала Марли. Мы ей сказали: «Анна, вот слова, которые мы написали к твоей музыке. Надо попробовать». Марли взяла гитару. Все начали подпевать. Песню одобрили. Ее передали по радио. Наши парашютисты взяли с собой листок с нотами и словами. В нелегальных типографиях песню напечатали. Разумеется, без наших имен, так как время было военное. Впрочем, это и не важно. Если песню поют за тюремной решеткой, если ее слова кричат, отрываясь от земли перед атакой, если ее свистят как пароль, она уже не принадлежит тем, кто ее написал. Она принадлежит тем, кто ее поет.

Париж — Москва

Жан Амблар. Роспись в мэрии Сен-Дени.

В четвертом часу дня при полном тумане наш траулер пришвартовался к Шикотану. У причала носились чайки, печально покликивая и звуча при этом, как чайные ложки в пустой столовой. Рыбаки отдыхали. Поселок Крабовый молчал в тумане.

В шесть вечера начался «капитанский час». Чайки сбивались в команды над траулерами, капитаны курили у селектора в штабе сайровой экспедиции. «Сайра мелкая,— кричали далекие поисковики,— двенадцать сантиметров!..»

Стемнело. Траулеры уходили, спуская с бортов бамбуковые штанги и становясь похожими на галеры. Бухта отдавала гудками. Траулеры уходили, зажигая на штангах синие, желтые, красные огни — приманивать сайру.

Наутро жарило солнце, Крабовый сушился всеми своими сопками, лестницами, своим тротуаром, чем-то цветным, красивым, что поразвесили на шнурах, уходя в смену, «на сайру», девушки-сезонницы...

Курилы крупным планом

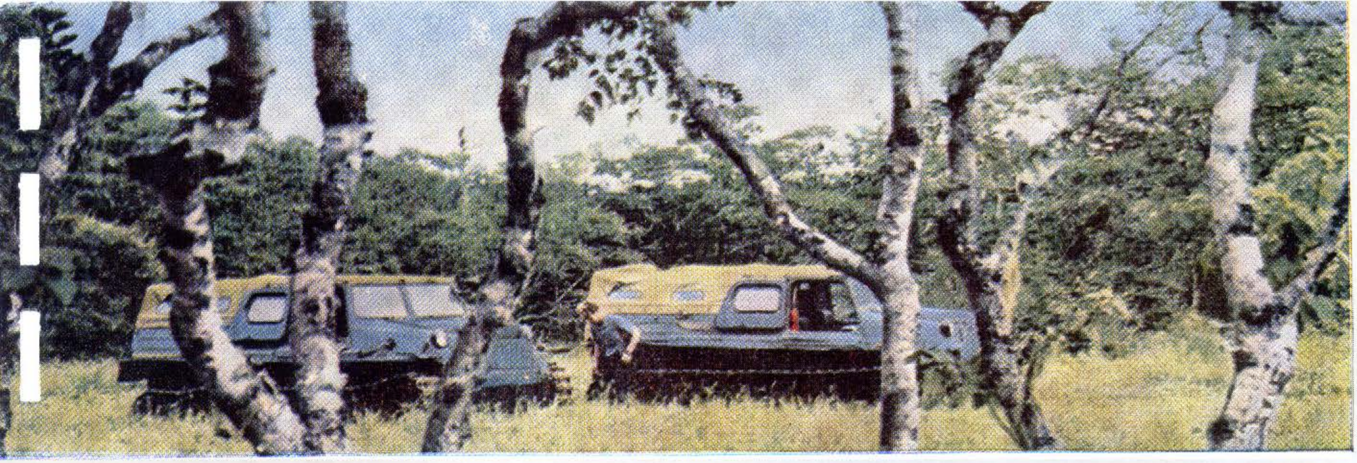
Вездеходы повезли нас через все болота, в тумане и просветах с океана, сквозь бамбуковые джунгли, через хрустальные ручьи с форелью — на Край света. За девять километров.

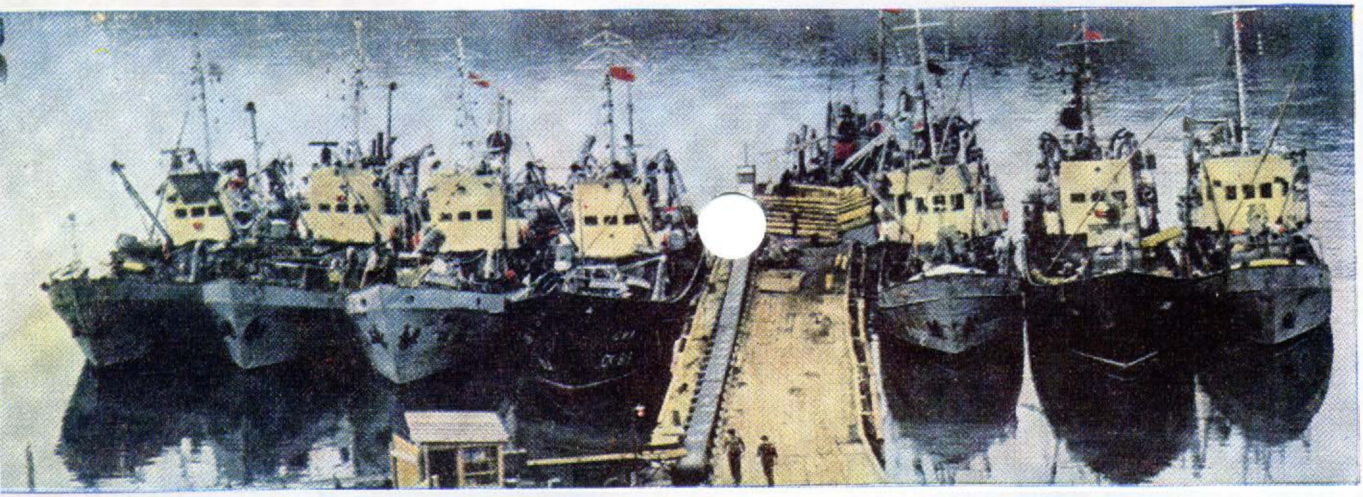
«Край света» — маяк. Вершина над пропастью. Гул океанского ветра, невероятно далекая внизу полоса прибоя. Четверо человек — семья с девочкой и бабушкой. Две собаки.

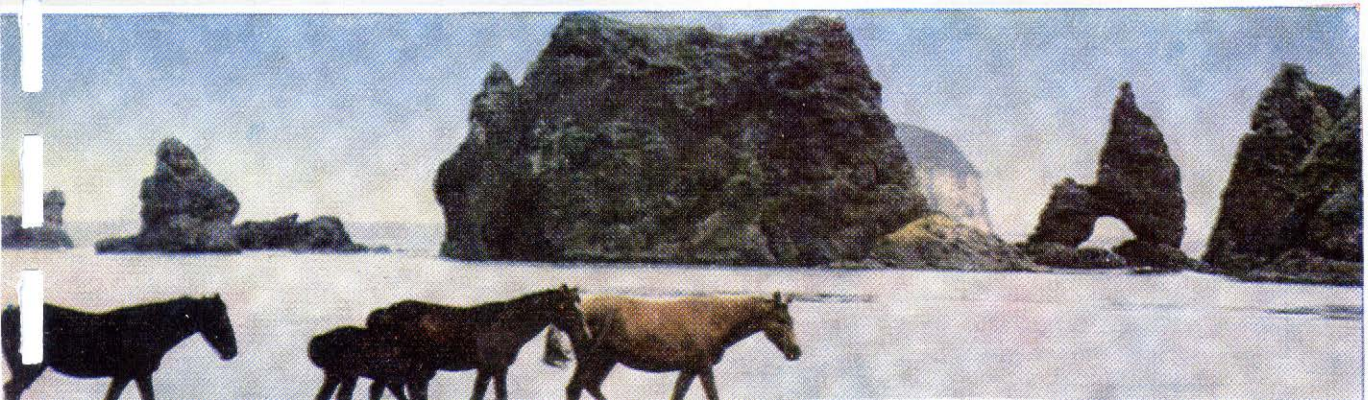
Семья живет в этих краях шесть лет, шесть лет исправно горит маяк на Краю света, днем и ночью. Дальше уже нет земли на тысячи миль океанского зеркала.

С. ЩЕРБАТОВ.

Фото автора.

НЕПОВТОРИМЫЙ КОЗЛОВСКИЙ

слушайте в номере

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки — фото Л. Лазарева.
На четвертой странице обложки: Старый Самарканд. Мечеть Ходжи Ахрара. Фото Г. Зельмы (АПН).

Режиссер Н. Субботин.
Художник А. Луцкий.
Технический редактор Л. Петрова.

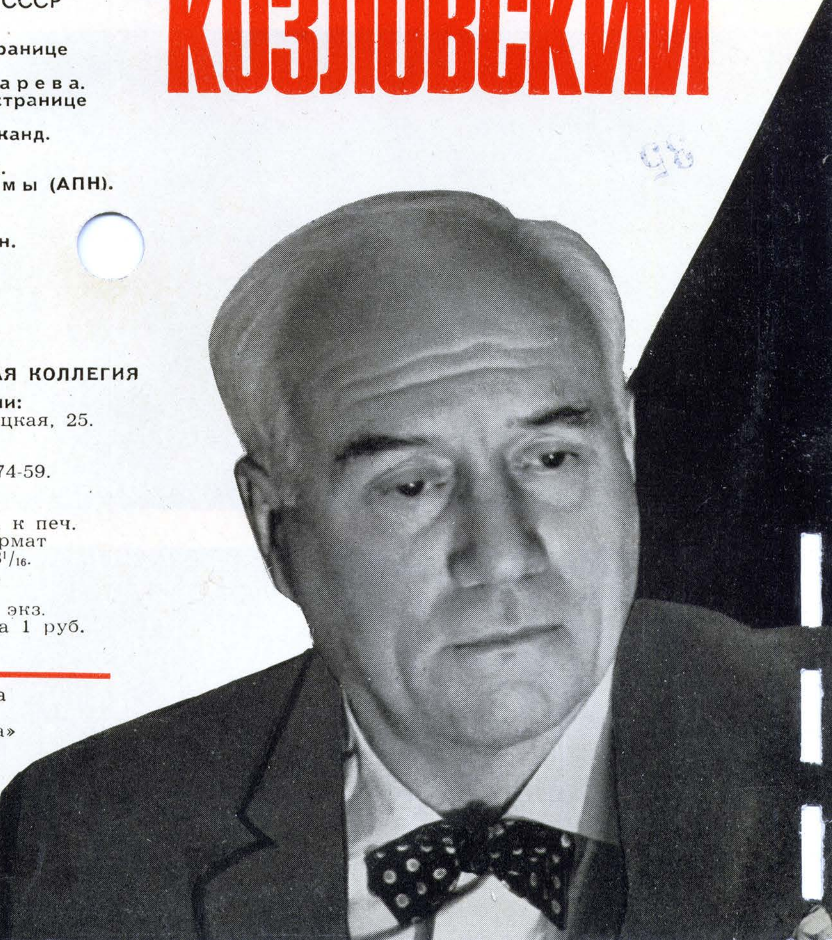
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции: Б 3-73-94, В 3-74-59.

Б 03302. Подп. к печ. 23/I 1968 г. Формат бумаги 84×108 1/16. Усл. п. л. 1,68. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 250 000 экз. Зак. 3827. Цена 1 руб.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Когда мы говорим о каком-либо певце, то чаще всего сравниваем его — голос, тембр, умение перевоплощаться на сцене — с каким-то другим артистом, который кажется нам как бы эталоном совершенства. Если то бас, то мы, люди старшего поколения, сравниваем его с Шаляпиным или Петровым. Если это тенор, то с Собиновым или Смирновым. Но мысль о сравнении Ивана Семеновича Козловского с кем-то другим никогда не приходит, так как его творчество совершенно самобытно, оригинально и всегда направлено на поиски нового, неповторимого. Было бы неправильно думать, что эти стороны творчества Козловского являются как бы прирожденными проявлениями его таланта. Нет, они достигнуты многими годами упорного труда, многими годами исканий, успехов и неудач.

Помню мою первую встречу с И. С. Козловским, когда мы оба были молоды. С каким увлечением и добросовестностью изучал Козловский эпоху Бориса Годунова, читая В. О. Ключевского и других историков,— только для того, чтобы сыграть, казалось бы, второстепенную роль юродивого в «Борисе Годунове» Мусоргского. И вот в Большом театре я смотрю «Бориса». В роли юродивого — Козловский. Юродивый как бы сошел с полотен Сурикова, и его ария — это целое событие для оперного искусства. Он потрясает слушателя не только совершенством вокального исполнения, но и тонким проникновением артиста в глубины человеческой психологии, гениально раскрытой музыкой Мусоргского.

Какой бы ни была роль, исполняемая Иваном Семеновичем, она всегда основана на доскональном изучении исторических истоков оперы, психологии того человека, роль которого играет актер, раскрытии музыкального существа произведения, и филигранно точном вокальном прочтении партии.

Я люблю И. С. Козловского и как исполнителя вокальных произведений камерного жанра — романсов. Его исполнение произведений Чайковского, Рахманинова, Мусоргского полно обаяния, какого-то внутреннего света, душевной радости или печали. Вот почему, может быть, мне немного беспокойно на душе, когда он исполняет романсы английского композитора Бриттена, полные мрачных предчувствий и переживаний. Иван Семенович исполняет их прекрасно и с большим мастерством, но они, мне кажется, чужды его жизнеутверждающему таланту.

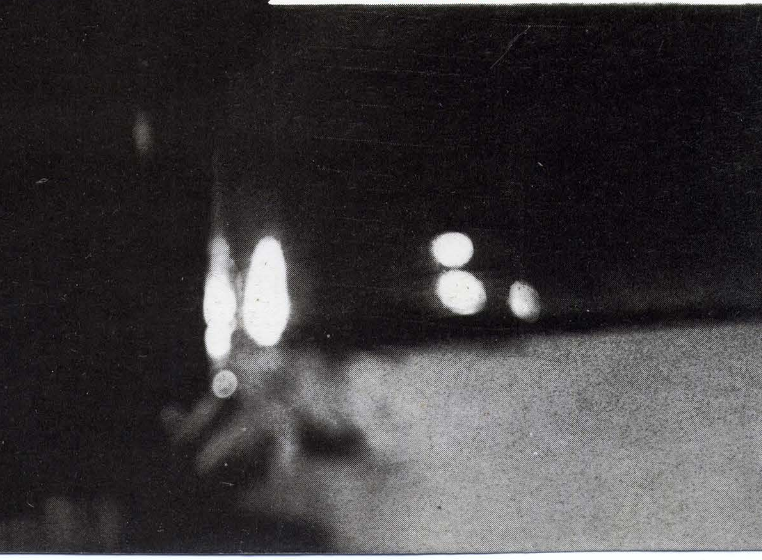
Да, Козловского не соразмерить ни с каким эталоном вокально-артистического искусства. Может быть, он сам является им?

И. И. АРТОБОЛЕВСКИЙ, академик.

Иван Семенович Козловский исполняет произведения Сергея Рахманинова: романс на стихи Г. Галиной «Здесь хорошо» и «Старинный киевский распев».

8

Фото А. Лидова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

Пусть рифма у тебя в стихе звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,
Но в летописи дальних лет вникай,
В рассказы стариков, поэт, вникай...

Алишер Навои.

Цена 1 руб.